

Л. Д. ТРОЦКИЙ

<«Керенский был воплощенным метанием»>

Из кризиса, созданного апрельской репетицией будущих боев, теоретически мыслимы были три выхода. Либо власть должна была перейти полностью к буржуазии: это можно было осуществить не иначе как путем гражданской войны; Милюков попробовал, но сорвался. Либо нужно было передать всю власть в руки советов: этого можно было достигнуть без какой бы то ни было гражданской войны, одним поднятием рук — стоило захотеть. Но соглашатели не хотели захотеть, а массы еще сохраняли в соглашателей веру, хотя уже с трещиной. Таким образом, оба основных выхода — по буржуазной, как и по пролетарской линии — оказались закрыты. Оставалась третья возможность: путаный, половинчатый, трусливый полувыход компромисса. Имя его — коалиция.

На исходе апрельских дней социалисты не имели и в мыслях коалиции: эти люди вообще никогда ничего не предвидели...

Но вода подошла к горлу. Керенский запугивал Исполнительный комитет: «Правительство сейчас находится в невозможно тяжелом положении; слухи об уходе не представляют собой никакой политической игры». Одновременно шло давление со стороны буржуазных кругов. Московская городская дума вынесла резолюцию в пользу коалиции. 26 апреля, когда почва была достаточно подготовлена, Временное правительство заявило в особом воззвании о необходимости привлечения к государственной работе «тех активных творческих сил страны, которые не участвовали в ней». Вопрос был поставлен ребром...

Массы, поскольку они еще не шли за большевиками, сплошь стояли за вхождение социалистов в правительство. Если хорошо, что Керенский — министр, то шесть Керенских еще лучше. Массы

не знали, что это называется коалицией с буржуазией и что буржуазия хочет прикрыться социалистами против народа. Из казармы коалиция выглядела иначе, чем из Мариинского дворца. Массы хотели социалистами вытеснить буржуазию из правительства. Так два нажима, шедших в противоположных направлениях, сочетались на мгновение воедино. <...>

Соглашательство во время революции есть политика лихорадочных метаний между классами. Керенский был воплощенным метанием. Поставленный во главе армии, которая вообще немыслима без ясного и отчетливого режима, Керенский стал непосредственным орудием ее разложения. Деникин приводит любопытный список смещений лиц высшего командного состава, не попавших в точку, хотя никто, собственно, не знал, и меньше всего сам Керенский, где эта точка находится. Алексеев уволил главнокомандующего фронтом Рузского¹ и командующего армией Радко-Дмитриева за слабость и попустительство комитетам. Брусиллов по таким же мотивам удалил перетрусившего Юденича². Керенский уволил самого Алексеева и главнокомандующих фронтами Гурко и Драгомирова за сопротивление демократизации армии. По такой же причине Брусиллов устранил генерала Каледина, а впоследствии сам был уволен за чрезмерное потакательство комитетам. Корнилов ушел с командования петроградским округом из-за неспособности ужиться с демократией. Это не помешало его назначению на командование фронтом, а затем и на верховное командование. Деникин был снят с поста начальника штаба Алексеева за явно крепостническое направление, но вскоре же был назначен главнокомандующим Западным фронтом. Эта чехарда, свидетельствующая, что наверху не знают, чего хотят, спускалась по ступеням вниз, до роты, и ускоряла распад армии. <...>

Когда настало время откровений, Керенский сам свидетельствовал, что из казачьих кругов, из среды офицерства и буржуазных политиков ему не раз предлагали личную диктатуру. «Но это попадало на бесплодную почву...» Позиция Керенского была, во всяком случае, такова, что вожди контрреволюции имели возможность, ничем не рискуя, обмениваться с ним мнениями о государственном перевороте. <...>

Для заговорщической сделки со ставкой Керенскому не нужно было, следовательно, совершать какой-либо крутой поворот: достаточно было развить и продолжить уже начатое. Он полагал при этом, что сможет придать генеральскому заговору надлежащее направление, обрушив его не только на большевиков, но, в известных пределах, и на головы своих союзников и надоедливых опекунов из среды со-

глашателей. Керенский маневрировал так, чтобы, не разоблачая заговорщиков до конца, поугатать их как следует и включить в свой замысел. Он дошел при этом до самой грани, за которой глава правительства превращался уже в нелегального конспиратора. <...>

Тем временем, отбиваясь от вялых претензий демократии, Керенский изо всех сил стремился показать кадетам твердую руку. 18 сентября он отдал неожиданный приказ о роспуске Центрального комитета военного флота. Матросы ответили: «Приказ о роспуске Центрофлота, как незаконный, считать недействительным и требовать его немедленной отмены». В дело вмешался Исполнительный комитет и доставил Керенскому формальный повод, чтобы через три дня отменить свое постановление. В Ташкенте Совет, в большинстве из эсеров, взял в свои руки власть, сместив старых чиновников. Керенский послал назначенному для умирения Ташкента генералу телеграмму: «Ни в какие переговоры с мятежниками не вступать... Необходимы самые решительные меры». Прибывшие войска заняли город и арестовали представителей советской власти. Немедленно открылась всеобщая забастовка, с участием 40 профсоюзов, в течение недели не выходили газеты, в гарнизоне пошло брожение. Так, в погоне за призраком порядка правительство сеяло бюрократическую анархию. <...>

Накануне низвержения Временного правительства подавляющее большинство гарнизона стояло открыто на стороне рабочих. Нигде во всей стране правительство не было так изолировано, как в своей резиденции: недаром оно порывалось из нее бежать. Тщетно: враждебная столица не отпускала. Безуспешной попыткой вытолкнуть вон революционные полки правительство окончательно погубило себя.

Объяснять пассивную политику Керенского перед переворотом одними его личными свойствами значит скользить по поверхности. Керенский был не один. В составе правительства были люди, вроде Пальчинского, не лишённые энергии. Вожди Исполнительного комитета хорошо знали, что победа большевиков означает их политическую смерть. Все они, однако, порознь и вместе, оказались парализованы, пребывали, подобно Керенскому, в каком-то тягостном полусне, когда, несмотря на нависшую над головой опасность, человек оказывается бессилён поднять руку для собственного спасения.

